

Предисловие

Николая Старикова

Новая книга известного американского политика Рона Пола, чья более ранняя работа — «Покончить с ФРС» уже выходила в серии книг, рекомендуемых мной к прочтению, посвящена современному американскому образованию. Его проблемам, смыслу, путям развития. Тут же возникает вопрос — почему это может быть интересно российскому читателю? Постараюсь на него ответить.

Как построено образование в сегодняшней главной сверхдержаве? И почему Рон Пол (который баллотировался на пост президента США в 2007 и 2011 годах) пишет о необходимости «школьной революции»? Оказывается, проблемы, стоящие перед школьным образованием в США, аналогичны нашим и, по сути, нам хорошо знакомы. Родители жалуются, что в школе нет индивидуального подхода к детям, что таланты и способности их детей в школе не развиваются, а «усредняются». Что школьное воспитание не развивает в детях (особенно в подростках) самостоятельности, инициативности, ответственности перед собой и обществом. Что средства, выделяемые государством на финансирование школ, попадают в руки чиновников, способных «забюрократизировать» все самые лучшие начинания. Родители, которые являются налогоплательщиками и на деньги которых

терей не слишком об этом задумываются. Но это ни в коей мере не уменьшает их ответственность. Они все равно принимают решение — это неизбежно. Решение не использовать конкретную программу — это решение учиться по другой программе. Государственная система обязательного образования навязывает это решение каждому родителю.

Доступность материалов для домашнего обучения, а также онлайн-образования значительно расширяет полномочия родителей в сфере образования. Существует огромное разнообразие материалов. Цена приобретения онлайн-инструкций продолжает уменьшаться. Старое правило экономики остается истинным — со снижением стоимости увеличивается спрос. Вот почему популярность домашнего обучения растет.

5. Конкуренция в образовании

В экономических учебниках для колледжей всегда есть глава о монополии. Учебник достаточно подробно описывает природу монополии и тот вред, который она наносит клиентам. Стержнем главы обычно является обсуждение того, как поставщики используют правительство для ограничения поставок от других производителей, что позволяет поставщикам устанавливать более высокие цены на их продукт. Клиенты не могут обратиться к конкурирующим поставщикам, чтобы удовлетворить свои потребности в продукте. Поэтому они вынуждены иметь дело с привилегированными продавцами, обладающими административным ресурсом. Изложение материала строится на описании

искусственного ограничения предложения и того, как это ограничение выбора ущемляет клиентов.

Я ни разу не держал в руках учебник, в котором бы подробно обсуждалось, как правительство регулирует образовательные институты. Нигде не указывается, что система регулирования порождает монополию — синдикат на университетском уровне. И что она ограничивает предоставление передового образования. В учебниках также не пишут, что система образования — от детского сада до 12-го класса — является не просто синдикатом, но и субсидируемой государством системой. Она не допускает использования конкурирующих программ, не попадающих под государственные субсидии. Более того, система регулирования ограничивает предложение учителей, школ и образовательных программ. По любым стандартам образовательная система является если не монополией, то по меньшей мере олигополией (рыночной структурой несовершенной конкуренции с малым количеством поставщиков). Вся регулирующая государственная машина в сочетании с системой налоговых субсидий породила образовательную систему, характеризующуюся искусственным ограничением предложения и высокими ценами.

В случае образования, финансируемого из налогового бюджета, высокие цены скрыты от избирателей. Неясно, каковы затраты на одного ребенка в каждой отдельно взятой школе округа. Также непонятно, какая доля общего бюджета идет на администрацию и как это соотносится с затратами на преподавание. Избирателям очень сложно разобраться с тем, как распределяются деньги в финансовой системе местной школы. Эта преднамеренная непрозрачность играет на руку чиновникам, контролирующим

образовательную систему, и особенно администраторам, которые выигрывают от этого больше всех.

Доктрина свободного рынка гласит, что на рынки труда, капитала, товаров и услуг должен быть свободный вход, который гарантирует разнообразие и предоставляет потребителям выбор. Потребители могут совмещать свои желания с предлагаемыми товарами и услугами. Потенциальная прибыль привлекает поставщиков на рынок, а их присутствие на нем обеспечивает богатый выбор для покупателя.

Принцип свободного входа для поставщиков ущемляется государственным регулированием доступа на потребительские рынки. Существует множество официальных оправданий для вводимых ограничений, но основное звучит так: «Клиенты не знают, что для них хорошо». Они не знают, какие продукты покупать, какую цену за них платить или каких договоренностей достигать в отношении обмена и возврата. Клиенты на самом деле удручающе невежественны в отношении того, что им нужно, поэтому государство вмешивается в рыночные отношения, чтобы ограничить покупки, которые клиенты могут законно совершать. Идея здесь в том, что государственные лица знают, что на самом деле необходимо покупателям, и это вовсе не то, за что они готовы и хотят платить.

Одно из оправданий этой идеи формулируется следующим образом: реклама вводит потребителей в заблуждение. Это значит, что клиентам, которые читают или видят по телевизору рекламные материалы и сюжеты, не по силам отличить факт от вымысла. Интересно, что те же рекламные агентства, которые привлекает бизнес для продажи своих продуктов, нанимают и политики — для рекламы самих

себя в годы выборов. Иными словами, реклама считается приемлемым и законным способом побуждать людей предпринимать действия в годы выборов, но она же попадает под подозрение, когда речь идет о приобретении продуктов и услуг. Как избиратели, люди считаются способными к принятию правильного решения на основе рекламы. При этом те же люди в качестве покупателей предположительно не способны принять правильное решение, руководствуясь рекламой. Это чрезвычайно нелогично, но это ключ к пониманию принципов работы современного западного правительства.

Государство создает препятствия для выхода в определенные рыночные сферы. Правительство утверждает, что клиенты должны быть защищены органами государственного регулирования. Эти органы не допускают на рынок поставщиков товаров и услуг, которые не отвечают определенным критериям правительства. Предполагается, что органы государственного регулирования способны оценить качество продукта, и, чтобы претворить в жизнь их решения, правительство имеет полномочия налагать санкции, такие как штрафы и даже тюремное заключение. Из этого следует, что бюрократические стандарты качества выше рыночных. Клиенты гипотетически некомпетентны в том, что касается установления стандартов качества на рынке. Эти предположения дают регулирующим органам повсеместные полномочия.

Когда государство вмешивается в рыночные взаимоотношения, чтобы ограничить доступ поставщиков на рынок, это выливается в повышение цен. У потребителей нет возможности покупать желаемые продукты и услуги по цене, которую они готовы платить. Поэтому производители вынуждены выходить на другие рынки, которые менее

прибыльны, чем регулируемые. Клиенты на регулируемых рынках оказываются в худшем положении, как и поставщики, которым приходится покидать эти рынки.

Мы можем видеть действие этого принципа на рынке образования. Предложение образовательных услуг ограничено государственным регулированием, в частности сертификацией преподавателей. Учителя должны проходить через специальную систему на уровне колледжей, чтобы иметь право преподавать в государственных школьных системах, финансируемых из налогового бюджета. Это снижает предложение учителей, которых локальные школьные округа могут нанимать на законных основаниях. Более того, регулирование строительства школ и ограничение участия в нем частных предпринимателей ставит государственные школы перед лицом ограниченной конкуренции.

Итак, родителей принуждают отправлять детей в школу, но государство ограничивает количество школ, доступных для рассмотрения семьями. Это создает в государственном образовании ситуацию, близкую к монополии, — от детских садов до старших классов. Правительство финансирует строительство школ из налогового бюджета и использует систему регулирования, чтобы ограничить появление конкурирующих школ. Это классический признак монополии.

Свободный рынок — это открытый доступ и наличие конкуренции. Конкуренция может быть качественной. Некоторые родители хотят дать своим детям образование самого высокого качества и готовы ради этого расстаться с внушительными суммами. Им не пришлось бы платить так много, если бы школы свободно появлялись на локальных рынках. Другие родители не могут позволить себе оплачи-

вать лучшее образование для детей, потому что у них нет достаточного количества средств. Поэтому в их интересах ценовая конкуренция на рынке образовательных услуг. Частный бизнес в сфере образования делает это возможным. Предприниматели могут решать, какие программы по карману тем или иным родителям и какие программы отвечают запросам конкретных родителей. С появлением большего количества школ выбор для родителей расширяется. Это стандартное определение составляющей экономического роста. Экономический рост возникает, когда клиенты могут купить больше товаров и услуг, чем они могли купить до начала экономического роста.

Либертарианство руководствуется принципом, о котором я уже говорил ранее: один размер не бывает впору всем. Этот принцип применим и в сфере образования. Решение — открытый вход на рынок образования. Производители смогут специализироваться. Они смогут концентрировать усилия на конкретных группах внутри общества. Предприниматели будут готовы предоставлять образование по конкурентной цене. Будут появляться конкурирующие методологии и системы обучения. Также будут доступны конкурирующие программы с точки зрения содержания учебных планов. У родителей появится широкий выбор, но, конечно, это означает, что они должны будут больше времени уделять исследованиям рынка. Им придется выяснять, какие варианты могут им подойти и сколько они стоят.

Когда у родителей появятся такие полномочия, их ответственность возрастет. Они смогут выбирать учебные материалы. Если предложение этих материалов законодательно ограничено, выбор у родителей сокращается, поэтому снижается и степень ответственности, которую они могут принять на себя. Если что-то становится недоступ-

ным, родители не отвечают за то, что они не исследовали, не оценили и не приобрели.

У чиновников сферы образования, которая почти всегда является некоммерческой, имеется предубеждение против конкурирующих по цене обучающих программ. Они полагают, что эти программы имеют низкое качество. Хорошей идеей считается закрытие рынка для продавцов любых учебных планов, не сертифицированных государством. Когда чиновники могут ограничить выход на рынок, у них появляется больше власти над содержанием и структурой образовательных программ. Прикрываясь помощью детям, эти проповедники ограничения конкуренции ради собственной выгоды умалчивают о том, что у них есть широкие полномочия в сфере образования и поэтому они могут назначать более высокую цену за привилегию пользоваться ими.

Вот почему либертарианцы верят, что на рынок образования должен быть свободный вход. Они не хотят позволять государственным чиновникам действовать от имени родителей, особенно тех из них, у кого есть собственный взгляд на то, какие методологии и содержание образовательных программ лучше подходят их детям. Чиновники действуют в собственных интересах, которые заключаются в увеличении их власти и дохода.

Здесь возникает вопрос о государственном регулировании функционирования школ. Во-первых, правительство требует их обязательного посещения. Во-вторых, для сохранения контроля над содержанием учебного плана правительства устанавливают правила и выпускают законы, регулирующие работу этих школ. Родителям не разрешается отправлять своих детей в школы, которые не отвечают всем

этим требованиям. Требования весьма суровы, поэтому немногие школы могут конкурировать с общеобразовательными учебными заведениями. Это усиливает систему общеобразовательных школ и увеличивает власть чиновников, управляющих этой системой.

Примером такого регулирования может служить предписание о том, что в частных высших школах должны быть библиотеки, содержащие не менее 1500 книг. В 1990-х годах это требование существовало по всей Америке. При этом уже в начале 1990-х ученик мог принести в школу компакт-диск, содержащий 5000 книг: библиотеку будущего. Но это не имело значения. Считалось, что компакт-диски и компьютеры не могут удовлетворить требование о 1500 книгах. Книги должны были быть бумажными, чтобы на них шли деньги налогоплательщиков. Сегодня у учеников есть доступ к сотням тысяч книг через сотовые телефоны. Но аккредитованные высшие школы должны иметь реальные, а не электронные библиотеки. Этими библиотеками должны заведовать обладатели научных степеней по библиотечному делу. Итог: требование о библиотеках не имеет отношения к количеству книг в библиотеке. Оно имеет отношение к увеличению расходов на строительство здания, которое может стать школой, функционирующей в рамках государственного регулирования.

Цель введения правительством требований — ограничить предложение школ, которые могли бы конкурировать с государственными школами. Это делается под предлогом гарантий качества школьного образования и, следовательно, защиты учеников. Однако академические результаты государственных школ ухудшаются, и это продолжается с 1960-х годов. Успеваемость по итогам соответствующих тестов продолжает падать. Наилучшая успеваемость была

зафиксирована в начале 1960-х. Так что нормы и правила не смогли гарантировать качества образования. Но они оказались весьма успешны в ограничении входа на рынок образования.

В 1980-х состоялась великая битва за домашнее обучение. По всей стране штаты вводили законы, запрещающие родителям заменять школьное обучение — в государственных или частных школах — домашним обучением. Частные школы были так дороги, что лишь немногие родители могли их оплачивать. Это означало, что родители были обязаны отправлять детей в государственные школы. Развитие в 1970-х и 1980-х годах концепции образования на дому стало угрозой для стратегии по ограничению предложения конкурирующих образовательных программ. Штаты стали преследовать родителей за домашнее обучение детей.

В 1985 году в Техасе рассматривалось крупное дело *«Липер против округа Арлингтон»*. Коалиция адвокатов подала групповой иск против штата в защиту домашнего обучения. В 1994 году Верховный суд штата удовлетворил этот иск и предписал школьным округам компенсировать судебные издержки родителей¹. Это дело стало ясным посылом для школьных округов Техаса, которые в мгновение ока отменили большинство ограничений, касающихся домашнего обучения. Но для этого потребовалось выиграть долгую судебную тяжбу.

Родители должны использовать свои законные полномочия для отстаивания любых типов учебных планов и любого образовательного окружения, которые они считают подходящими для своих детей. Это отстаивание полномочий

¹ <http://bit.ly/LeeperCase>

очень задевает чиновников, которые уже более 150 лет ведут борьбу против родительского авторитета в сфере образования в Соединенных Штатах. Идея о том, что родители достаточно компетентны в вопросах выбора образования для собственных детей, автоматически отвергается ведомствами академической сертификации, которые обучают учителей и администраторов для государственных школ. Критики утверждают, что некоторых родителей образование их детей волнует недостаточно, чтобы прилагать какие-то усилия ради выбора для них учебного плана. По их мнению, государство имеет обязательства перед этими детьми и должно предоставить им адекватное обучение.

Должно быть очевидным, почему этого аргумента недостаточно, чтобы оправдать существование всего массивного чиновничьего аппарата, который регулирует образовательные программы. Если бы действительно абсолютное большинство родителей недостаточно беспокоились об образовании детей, у них хватило бы сил, чтобы выбрать представителей, которые сокрушили бы все подобные законы. Скорее эти законы вступили в силу только потому, что подавляющее число избирателей не считают, что у государства есть легитимное право вводить законы об обязательном посещении и нормы, касающиеся учебных планов для учеников. Это тот случай, когда чиновники сферы образования обвиняют нерепрезентативную группу родителей, которая на самом деле составляет лишь малую долю от всего сообщества. Прикрываясь лозунгом защиты детей от таких семей, чиновники убеждают политиков принимать масштабные законы об обязательном образовании и другие нормы, регулирующие работу частных школ в рамках стандартов концепции обязательного образования.